

творческая молодежь

В ПОИСКЕ

Есть, очевидно, всемирная человеческая потребность не только на сто тысяч зрителей, в гигантских дворцах спорта и колоссальных оперных театрах, но и в маленьких, тесных зальчиках, где даже к своему стулу протиснуться — проблема.

Знамение времени. Стремление подчеркнуть вечную и непреходящую силу непосредственного слияния сцены и зала, зрителя и артиста... В памяти уже несколько лет действующий, созданный Ю. Завадским театр в фойе в Театре имени Моссовета, — довольно вспомнить хотя бы серьезную удачу «Дузли» М. Байджиева в авторизованном переводе В. Аксенова, «Эдит Пиаф» в превосходном исполнении Н. Дробышевой (режиссер Б. Щедрин). В Ленинграде Большой драматический театр первым поставил на малой сцене «Провинциальные анекдоты» А. Вампилова (режиссер А. Товстоногов), там же — прелестный, изящный, артистичный спектакль, сделанный М. Розовским по карамзинской «Бедной Лизе».

Появились малые сцены в театрах имени Маяковского и имени Ермоловой, недавно поставлены в фойе «Современника» В. Фокиным «Записки из подполья» Достоевского...

Кроме всех прочих достоинств таких маленьких сцен, есть и еще одно, немаловажное. Это площадка эксперимента, художественного поиска, драматургического риска.

И площадка, где есть возможность попробовать свои силы молодым, еще робко ступающим по неверной театральной земле исполнителям, юным режиссерам.

И драматургам. Да, да, драматургам!

Самому узкому месту в литературе. Молодых драматургов меньше, нежели молодых прозаиков, меньше, чем поэтов, очеркистов, критиков.

Поэтому-то с таким пристальным интересом отнеслись мы, драматурги старшего поколения, к тому, что и в Центральном детском театре открылся свой театр в фойе.

Не будем лакировать действительность: шло тут не очень-то гладко, то и дело возникали непредвиденные и в конечном счете ничем не оправданные препятствия.

И вот наконец-то премьера. Официальная. С приглашением гостей. Все, как у людей.

И режиссер — новое имя. Сергей Яшин. Молодой.

И художник — Елена Качелова. Молодая. Забегая вперед, скажу, что эта молодая художница сумела уже сделать мощную, выразительную и стилистически точную декорацию на большой сцене в таком сложном спектакле, как шиллеровские «Разбойники».

И артисты все юные: А. Бордуков, М. Жигалов, А. Комиссаров, Л. Гребенщикова, И. Маликова.

Ну, а что касается автора пьесы А. Ремеза, то сейчас ему двадцать два, а первую драму он написал, по нашим понятиям, совсем рано — восемнадцати лет.

Итак, премьера в фойе Центрального детского.

...Небольшое, но происшествие в одной из ленинградских школ, маленькое, но ЧП.

Был выпускной вечер, торжественная часть, вручение аттестатов и подарков, небольшой банкетик на собранные с родителей деньги, домашний салат, бутерброды, потом танцы. Впереди была ленинградская белая ночь, а еще впереди — вся жизнь.

И вот когда уже все разбрелись (по ошибке, а потом, как выяснилось, и не по ошибке), оказалось, что входную дверь кто-то закрыл на замок снаружи, на первом и втором этажах окна забраны решетками, не выпрыгнешь. Так остались до утра после выпускного вечера мальчики и девочки — всего пять, всем по семнадцать, все из одного класса 10«б» — друг с другом наедине. И другие с другом наедине. И наедине с нами, зрителями, которым поверяют они все свои мысли. Проходят перед нами их, казалось бы, простые, а на самом деле сложнейшие, запутаннейшие взаимоотношения, не предусмотренные ни аттестатами, ни школьными

программами. А мы вместе с ними, семнадцатилетними, тревожимся за их судьбы, их дружбу, их любовь, их мораль.

Напряжение, созданное автором, режиссером, артистами, передается нам, зрителям, сидящим вот тут, совсем рядом с ними, и все это настолько реально, жизненно задевает какие-то существенные стороны сегодняшнего бытия молодежи, что медленное действие кажется тебе стремительным, длинные диалоги — лаконичными, артисты — конкретными мальчиками и девочками из нового, молодого и незнакомо-го племени. Тем жаднее вслушиваешься в их разговор, следишь за порывами их души, ищешь в них новое и радуешься, когда обнаруживаешь его, и огорчаешься, когда видишь те самые родимые пятна, от которых, думалось тебе, это поколение уже избавилось...

Естественно, что судьба театра — это репертуар. И судьба спектакля во многом зависит от пьесы.

Спектакль вышел. Он сыгран и поставлен умно, тактично, без излишней демонстрации режиссерских приемов, так, как и нужно, по-моему, было ставить эту пьесу-исповедь.

И, главное, конечно, в ней.

Уже в самом замысле — оставить этих пятерых неожиданно для них самих после выпускного вечера в запертой школе — угадывается драматургия.

Саша Ремез — истинный драматург. Это я говорю с полной ответственностью, не только посмотрев этот спектакль в фойе, но и прочитав несколько его пьес.

Первую из них он написал через год после окончания школы. Он увлекался историей, так появилась его пьеса о Франсуа Равальяке. Равальяк в 1610 году убил из религиозных побуждений Генриха IV, французского короля. Генрих перешел в католичество, хотя был протестантом. Восемнадцатилетнего автора заинтересовала эта средневековая реальность не сама по себе — и это в свою очередь заинтересовало тех, кто читал юношескую пьесу Ремеза. Саша решил изобразить человека, одержимого не столь фанатизмом, сколь честолюбием, который прожил бессмысленно свою жизнь и умер тоже бессмысленно. Он, Франсуа Равальяк, мечтал о славе, которая будет сопутствовать ему, смельчаку, герою, а его восприняли как заурядного фанатика. Он мечтал о толпе, которая будет вить его казнь; толпа, действительно собралась близ эшафота, но пошел дождь, и все разбрелось. Равальяк почувствовал бессмысленность своего поступка и стал просить палача отменить казнь, но было уже поздно...

Саша Ремез в свои двадцать два года написал много пьес. Может быть, даже слишком много. Об этом ему говорили его педагоги В. Розов и И. Вишневецкая — он сейчас учится в Литературном институте. Об этом ему говорили и мы с М. Рошиным — он был у нас на семинаре молодых в Софрине, и мы раскритиковали его пьесу «Драматический поэт» о Пушкине, хотя и в этой пьесе есть все признаки настоящего драматического дарования.

Диапазон юного автора весьма широк: тут и современные пьесы о молодежи, пьесы о Шекспире и Наполеоне Бонапарте — о Наполеоне даже две: «Летняя кампания 1812 года» и «Месяц вэтра». Сейчас Саша заканчивает драму под условным названием «Конец века» — это о Суворове. Ею всерьез заинтересовался Центральный академический театр Советской Армии.

Саша Ремез в поиске. И это естественно. Он еще не нашел себя. И это тоже естественно. Есть элементы в его творчестве, которые тревожат, и наше дело, долг старшего поколения сценических писателей, говорить ему об этом всерьез — он этого заслуживает. Ибо все мы сходимся на том, что рождается новый драматург, и это должно быть радостью нашей общей — литераторов, драматургов, театров.

Александр ШТЕЙН.

187